

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Демократия в системе капитализма: суть, фасад, демонтаж

А. И. ФУРСОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье анализируется специфика демократии как реальности конкретной социальной системы — капиталистической; показывается процесс ее демонтажа, резко ускорившийся в 1980–1990-е годы.

Ключевые слова: демократия, капитализм, Запад, европейская цивилизация, кризис демократии, раздемократизация.

I

О кризисе демократии на Западе говорят довольно давно, как минимум четыре десятилетия. При этом необходимо отметить, что демонтируется не демократия вообще, а та форма, которая сложилась в североатлантическом ядре (США, Западная Европа) капиталистической системы в 1945–1975 гг. и которая представляет собой пик, наивысший уровень развития буржуазной демократии. Причем уровень этот был достигнут не столько по логике капитализма самого по себе, сколько вопреки ей. В связи с этим то, что ряд исследователей именуют «кризисом демократии» конца XX — начала XXI в., представляет собой не что иное, как возвращение буржуазного общества к своей норме. Есть и другие трактовки кризиса демократии, о которых будет сказано ниже.

Главное заключается в том, что демократия — это некая идеальная, пропагандистски провозглашаемая форма, реальное наполнение которой содержанием никогда не было полным и всегда было результатом борьбы различных социальных сил. Аналогичным образом и нынешний кризис демократии на Западе есть результат деятельности определен-

ных социальных сил, прежде всего транснациональных олигархий, «глобалитариев» («глобализация плюс тоталитаризм»). Однако прежде чем говорить о текущем историческом моменте, необходимо, во-первых, сказать несколько слов о термине «демократия»; во-вторых, о реальности буржуазной демократии, которая всегда была нетождественна себе как «воле и представлению». После этого перейдем к вопросу о демократическом «всплеске» 1945–1975 гг., его причинах и, наконец, обратимся к нынешнему демонтажу демократических институтов как несущих конструкций послевоенного капитализма.

II

Термин «демократия» («власть демоса», т. е. народа) — один из самых многосмысленных, и в силу этой многосмысленности и аморфности он не может считаться строго научным (см., напр.: Зиновьев, 2000: 311), располагаясь на грани между наукой и идеологией и тяготея в большей степени к последней. Исходно под демократией понималось народовластие, которое противопоставлялось, с одной стороны, охлократии (власти толпы), с другой — аристократии/олигархии и монар-

хии/тирании. В этом контексте термин «демократия» также используется для обозначения прав и свобод граждан, как правило, формальных. Наполнены ли они реальным содержанием и если да, то насколько, — это вопрос, связанный не с демократией самой по себе, а с конкретной социальной системой, с той степенью, которую в зависимости от природы этой системы и конкретной ситуации «сложения — вычитания» социальных (классовых) интересов допускают хозяева этой системы.

С учетом наличия или отсутствия этих прав и свобод (декларирование свободы и равноправия граждан, признание воли большинства в качестве источника власти и т. п.) термин «демократия» используется для характеристики типа государственности и самого государства. Таким образом, чаще всего в идеологических схемах и научно-идеологических теориях термин «демократия» используется в государственно-политическом и правовом измерениях. Наконец, в буржуазном обществе демократия была провозглашена одной из высших ценностей и, как следствие, мерой прогресса (отсюда формула «демократия и прогресс»). В соответствии с этой мерой Запад оценивал прогрессивность тех или иных обществ, т. е. их заподобление, готовность копировать буржуазный Запад, признавая его неким эталоном, а западный *теит* — универсальным *ветит*.

Необходимо — в условиях существования того, что именуют «гражданским обществом», — различать государственную и гражданскую демократии. Кроме того, необходимо различать абстрактную, идеологизированную демократию, с одной стороны, и ее реальные формы в их конкретном содержании, с другой. Нарастание разрыва между «идеальным» и «реальным» и составляет суть эволюции демократии на Западе — эволюции, которая в 1970-е годы вступила в полосу кризиса, а по сути — демонтажа демократии как реальности при относительном сохранении демократии как идеологемы, за которой, по сути, уже нет никакого содержания или оно, в лучшем случае, минимально. Демократия всегда была лишь элементом, преимущественно внешним, западной (буржуазной) властной конструк-

ции, которая в целом не являлась и не является демократической. Другое дело, что на определенном этапе развития буржуазного общества, борьбы буржуазии с феодализмом и тем, что неточно именуют абсолютизмом, элемент «демократии» занимал более или менее значительное место во властной конструкции. На Западе он играл определенную роль, которая в еще большей степени раздувалась в пропагандистских целях, особенно в период противостояния капиталистического Запада Советскому Союзу как системному антикапитализму, как альтернативной мировой системе. Не случайно, что, стартовав в 1970-е годы, кризис демократии на Западе прорвался после разрушения СССР, когда хозяевам капиталистической системы уже не надо было — не перед кем и незачем — сохранять демократический фасад. Повторим однако: в последние 30–40 лет произошел лишь переход количества в качество, постепенная, ползучая дедемократизация (раздемократизация) Запада (т. е. ликвидация даже тех куцых форм, которые стали результатом, нередко побочным и непредвиденным, борьбы буржуазии за власть) началась значительно раньше — со времени завоевания буржуазией власти в «эпоху революций» (Э. Хобсбаум) — 1789–1848 гг.

Реально буржуазия боролась за демократию в XVIII — первой половине XIX в., т. е. организовывала и использовала то, что впоследствии стали именовать «буржуазными революциями». Что же касается класса, совершающего революцию, то, как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «уже по одному тому, что он противостоит другому классу, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он фигурирует в виде всей массы общества в противовес единственному господствующему классу. Происходит это оттого, что вначале его интерес еще связан более или менее с общим интересом всех остальных негосподствующих классов, не успев еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса» (Маркс, Энгельс, 1955: 47).

Здесь необходимо отметить, что Маркс и Энгельс несколько упростили, спрямили ситуацию: на самом деле нередко класс, совер-

шающий революцию, совершает ее не только против прежних господ, но — автоматически — против прежних и будущих негоспод, хотя *ratio* в тезисе есть, тем более что на полях Маркс зафиксировал конкретные истоки «всеобщности» интересов, среди них — иллюзия общих интересов и самообман идеологов. В любом случае демократия была одним из знамен борьбы эпохи революций, причем за этим знаменем было определенное содержание — это содержание вынуждены были допускать, и в течение какого-то (исторически непродолжительного) времени оно получило возможность относительно автономной жизни. Однако как только власть была взята буржуазией (или был достигнут компромисс между буржуазией и аристократией Старого порядка), начал развиваться противоречивый процесс. С одной стороны, с 1860-х годов буржуазия (прежде всего в Великобритании, но затем и в других странах североатлантической зоны) начала включать трудящиеся классы, в первую очередь рабочих, в политический процесс, распространяя на них избирательное право, разрешая создавать свои политические партии и движения и т. д. То есть внешне налицо развитие демократии, столь пугавшее многих консерваторов. С другой стороны, чем более демократичными становились внешние формы, фасад буржуазного общества, тем в большей степени реальная власть уходила в тень, в закрытые, по сути, антидемократические наднациональные структуры мирового согласования и управления: в масонские, парамасонские, а с конца XIX в. — в принципиально иные, уже не унаследованные буржуазией от старопорядкового (XV–XVII вв.) прошлого, а созданные ею самой на буржуазной же основе («Мы»/«Группа» Родса, Общество Милнера и др.).

В двухконтурной системе власти буржуазного общества, окончательно оформившейся к концу XIX в., партии и официальные институты, государственно-политические структуры национального уровня все больше превращались в функциональные органы клубов и лож, т. е. закрытых структур наднационального уровня. В такой ситуации развивающаяся демократизация фасада, т. е. формальная де-

мократизация, не просто компенсировалась, а подрывалась содержательной раз демократизацией. Иными словами, демократический элемент власти становился все меньшим и все менее значимым.

Не должен вводить в заблуждение и факт внешней демократизации, проявившийся в возникновении рабочих (лейбористы, социалисты, социал-демократы) партий. Как верно заметил И. Валлерстайн, капитализм — единственная система, которая легализует политическую оппозицию себе (т. е. своим хозяевам). В результате представители негосподствующих групп получают доступ к политике, к политической игре, но по правилам, написанным господами (т. е. буржуазией), которые свои частные классовые правила и интересы представляют в виде общих, универсальных, надклассовых национальных, умело направляя любой протест в прокрустово ложе демократии и пережевывая его ее «безжалостными челюстями». Происходит политическое одомашнивание социально опасных классов, а демократия становится формой сохранения иерархий и сдерживания оппозиционных движений определенными рамками. Нужно помнить, что демократические правила и институты созданы недемократическими силами и слоями в недемократических целях и выступают в качестве функций, внешнего контура закрытых структур.

III

Впрочем, в истории капиталистической системы, ее североатлантического ядра порой происходили «расширения демократии», но они были вызваны внешними, экстраординарными обстоятельствами (войны, революции, факт существования СССР) и носили исторически краткосрочный характер — несколько десятилетий.

Так, Октябрьская революция, происшедшая за пределами Запада, открыла новую эпоху в развитии демократии на самом Западе. Во-первых, сама революция возникла в условиях мирового кризиса, вызвавшего демократический подъем, который несколько ослабил давление «железной пяты». Во-вторых, с возникновением СССР наряду с буржуазной де-

мократией появился новый, альтернативный тип демократии — социалистический, основанный не на правах индивида, а на социальной справедливости. Поскольку советский строй был отрицанием одновременно и самодержавия, и капитализма, у социалистической демократии в Советской России оказалось два источника: во-первых, такая традиционная ценность русской цивилизации, как социальная справедливость, которую Гольштейн — Готторн — Романовская империя явно попирала с 1762 г.; во-вторых, идущий от европейского якобинства примат коллективного блага над индивидуальным. Надо помнить, что русская революция была далеко не только русским явлением, но в равной степени общеевропейским и мировым: это была реализация на русской почве левого, демократического (якобинского) проекта Модерна. Иными словами, само возникновение СССР стало фактором, который усугубил кризис буржуазной демократии, вызванный Первой мировой войной.

Ответом «демократического Запада» на кризис демократии первой четверти XX в. стало возникновение правоавторитарных и тоталитарных режимов. Даже в «цитадели демократии» — Великобритании и особенно в США — имело место ограничение целого ряда прав и свобод основной массы населения, дополнительным фактором для чего стал мировой экономический кризис 1929–1933 гг. В этом контексте нелишне будет напомнить, что и в СССР в это время (1936–1937 гг.) Политбюро провалило попытку Сталина демократизировать властную систему — вождь хотел ввести принцип альтернативности кандидатов на выборах.

Послевоенное тридцатилетие (1945–1975 гг.) стало периодом мощного (и, по-видимому, последнего) расцвета буржуазной демократии. Точнее, это была временная передышка в длительном кризисе, начавшемся вместе с XX в.

Причин, обусловивших демократический всплеск 1945–1975 гг., несколько. Во-первых, победа над Третьим рейхом и национал-социализмом («фашизмом») укрепила те силы, которые противостояли фашизму под знаменем демократии — именно они были в авангарде борьбы с «коричневой чумой». В этих услови-

ях даже тем, кто в Великобритании и США ковенно симпатизировал Третьему рейху и сохранял экономические и даже политические контакты с ним почти до конца войны, пришлось вести себя «демократически». Кроме того, в развернувшейся противостоянии с СССР западные верхушки вынуждены были выставлять себя «защитниками демократии» и играть в соответствующие социальные игры.

Во-вторых, послевоенное тридцатилетие было периодом небывалого экономического бума. Бум породил такие по численности и значению рабочий класс и средний слой (у которых появились свои мощные партии), игнорировать и тем более давить которые было весьма опасно. К тому же экономическое процветание позволяло откупаться от этих групп как экономически, так и политически.

В-третьих, и это главное, сам факт существования СССР, противостояние капитализма и социализма, идущая холодная война — все это заставляло правящие круги ведущих государств капиталистической системы проводить политику относительного умиротворения определенных слоев своих стран, прежде всего тех, которые по своему социально-экономическому положению, по своей классовой ситуации могли бы симпатизировать СССР и стремиться воплотить некоторые его социальные достижения у себя дома. Отсюда — отклонение буржуазного политического строя от той демократической меры и нормы, которая имманентна ему по природе и распространяется только на верхи.

Три указанных первостепенных фактора (были и второстепенные) обусловили расширение, а отчасти и углубление демократических практик в буржуазном обществе в тот уникальный, исключительный период в истории Запада. Его можно охарактеризовать как «расцвет буржуазной демократии», продлившийся, впрочем, всего лишь 30 лет (правда, и рабовладельческая демократия в Афинах просуществовала не дольше).

IV

Многие полагали, что ситуация 1945–1975 гг. сохранится на очень долго, если не навечно, и строили прогнозы, экстраполируя ее на бу-

дущее, как близкое, так и далекое. Однако, как говорили древние, *nihil dat Fortuna mancipio* — судьба ничего не дает навечно. Уже во второй половине 1960-х годов ситуация начала меняться. Экономическое процветание стало подходить к концу вместе с фазой «А-Кондратьев» («повышательной волной» кондратьевского цикла); впереди маячила Б-фаза («понижательная волна»), и это означало, что общественный пирог уменьшится и уже нельзя будет так лихо перекачивать часть дохода сверху вниз с помощью налоговой системы государства всеобщего социального обеспечения (*welfare state*). Кстати, и с этим типом государства во второй половине 1960-х годов тоже возникли проблемы: оно разбухло и стало менее эффективным, оставаясь в то же время одним из символов и завоеваний буржуазной демократии. Наконец, что представляло собой наиболее серьезную проблему для верхушки буржуазии и выражающего ее интересы истеблишмента, это растущая в условиях послевоенной демократии социально-экономическая мощь рабочего класса и среднего слоя, отливавшаяся в политическую мощь левых, левоцентристских и леволиберальных партий, готовых бросить вызов верхушке.

Верхушка это очень хорошо понимала, осознавая, что именно демократия, при всей ее формальности и фасадности, может быть использована если не для подрыва ее (верхушки) позиций, то для весьма существенного ограничения ее экономического и политического пространства. Для решения в том числе и проблемы «избыточной» демократии (хотя, разумеется, не только ее) на рубеже 1960–1970-х годов создаются принципиально новые закрытые наднациональные структуры мирового (глобального) согласования и управления — Римский клуб (1968 г.) и Трехсторонняя комиссия (1973 г.). Показательно, что уже в 1975 г. по заказу Трехсторонней комиссии три видных социолога и политолога — С. Хантингтон (США), М. Крозье (Франция) и Дз. Ватануки (Япония) — готовят доклад «Кризис демократии», который на несколько десятилетий становится идеологическим обоснованием раз демократизации Запада и своеобразным руководством к действию.

Этот откровенный документ до сих пор не переведен на русский язык, поэтому имеет смысл ознакомиться по крайней мере с некоторыми выдержками из него.

В докладе четко и откровенно фиксировались угрозы правящему слою — прежде всего то, что против него начинают работать демократия и *welfare state* (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке.

В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведет к уменьшению власти правительств, что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти «эксцессы демократии» являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, ее источник — «*внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующемся высокой степенью* (политического. — А. Ф.) *участия*» (Crosier, Huntington, Watanuki, 1975: 113). Эксперты рекомендовали способствовать росту невовлеченности (*noninvolvement*) масс в политику, развитию определенной апатии, умерить демократию, исходя из того, что она лишь способ организации власти, причем вовсе не универсальный. В частности, в докладе говорилось: «*Во многих случаях необходимость в экспертном знании, превосходстве в положении и ранге (seniority), опыте и особых способностях могут перевешивать притязания демократии как способа конституирования власти*» (там же: 113–114).

«Кризис демократии» подвел черту под «тридцатилетием демократии» и открыл новую эпоху в истории Запада — противоположную «славному тридцатилетию» (Ж. Фурастье), означавшую возвращение капитализма, буржуазного общества ядра капиталистической системы к состоянию рубежа XIX–XX вв., к состоянию «железной пяты» (Дж. Лондон). С конца 1970-х годов верхи капиталистической систе-

мы разворачивают классовое наступление на демократические институты буржуазного общества (стремясь максимально свести их к фасадности, к внешней форме — со временем все меньше озабочиваясь сохранением даже внешних приличий) и на те слои, которые немало выиграли от послевоенной демократизации буржуазного общества, а следовательно, представляли наибольшую угрозу для его верхов. Не случайно первые удары в рамках и посредством тэтчеризма в Великобритании и рейганомии в США были нанесены по наиболее организованным профсоюзам (авиадиспетчеры) и наиболее активным группам рабочего класса (шахтеры). В то же время до тех пор пока существовал Советский Союз, системный антикапитализм, полномасштабная раз демократизация Запада были затруднены; в этом плане ясно, что разрушение СССР было для верхушки капмира императивом не только внешней политики, но и внутренней. Показательно, что с исчезновением СССР неолиберальная раз демократизация на Западе начала развиваться уже не только без серьезных помех, но и практически открыто. Процесс этот шел по нескольким направлениям:

- демонтаж государства всеобщего социального обеспечения;

- курс на деполитизацию общества, подмену политики комбинацией административной системы и шоу-бизнеса;

- ограничение пространства гражданско-общественного;

- разрушение массового образования (снижение образовательных стандартов, затруднение доступа выходцев из непривилегированных слоев).

V

Особо необходимо выделить еще одно направление раз демократизации Запада. Демократия, как мы знаем, — это по определению воля большинства индивидов. В последние десятилетия на Западе восторжествовал курс, во-первых, на установление примата меньшинств (сексуальных, этнических, возрастных) над большинством, причем с этой целью волю большинства, часто подавляющего, попирают и ломают самым жестким образом.

Во-вторых, капиталистическая верхушка превращает Запад из общества индивидов в общество неообщин, коллективов, которые вытесняют и подменяют индивида в качестве субъекта (агента) социальных отношений. Речь идет о неообщинах этнических (главным образом выходцев из стран Ближнего Востока, Северной Африки, Азии, Латинской Америки) и сексуальных меньшинств. Из единого целого, из социума индивидов, воля большинства которых имеет какое-то значение, т. е. из формально демократического социума Запад превращается в совокупность, сумму плохо скрепленных коллективов-неообщин, представляющих не большинство, а различные меньшинства, навязывающие свою волю большинству. А точнее, использующиеся верхушками для навязывания своей воли большинству в качестве процесса раз демократизации и его орудия. Показательно и то, что для ликвидации демократии как одной из важнейших традиций европейской цивилизации, идущей из Античности через Средневековье в Новое время и провозглашенной в это самое Новое время одной из высших ценностей (авторы «Кризиса демократии», как мы помним, выполняя желание и волю заказчика, перевели демократию в разряд инструментов), используются неевропейские формы и этнические группы. Не менее показательно и то, что одним из направлений раз демократизации Запада являются нападки на христианскую церковь, как на католическую, так и особенно на православную, нападки на религию вообще, которую пытаются подменить магией и мистикой. И это понятно. Во-первых, магия в отличие от религии вообще и от христианства в частности не знает различий между добром и злом. Во-вторых, христианская вера *volens nolens* приучает к рациональному взгляду на мир (это одно из внутренних противоречий христианства как религии), что противоречит установке на дерационализацию сознания и поведения. Наконец, в-третьих, христианство, в котором верующий субъект — индивид — вступает в индивидуальные, личные отношения с Абсолютом, перед которым все равны, представляет собой одну из основ демократии (в этом тоже внутреннее противоречие).

Таким образом, можно сказать, что из реального кризиса демократии реальные хозяева Запада — транснациональные олигархи — стремятся выйти путем подрыва и уничтожения демократии, которая при всей ее ограниченности и отчасти иллюзорности в буржуазном обществе формально, т. е. в плане идеологии (а точнее, социально-политической демагогии), до сих пор является одной из несущих конструкций не только этого общества, но и европейской цивилизации в целом. Кто не слеп, тот видит, что из кризиса капитализма вообще и кризиса демократии в частности западные верхушки двинулись путем демонтажа Запада как одного из вариантов европейской цивилизации и этой цивилизации в целом. В связи с этим главная задача — защита традиционных ценностей нашей цивилизации: демократии, рационального знания и — тактически — христианства. А это возможно только в том случае, если сохраняется и силен цивилизационный, гуманитарный суверенитет, если силен и здоров его носитель. В нашем случае это русский народ. Тем более что у нас свои традиции народовластия, отличающиеся от «западной демократии». Не случайно герои древнерусских былин — не короли и герцоги, как в западноевропейском эпосе, а богатыри — персонификаторы и символы соборного единства и соборной воли народа. Однако этот вопрос выходит за тематические рамки данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зиновьев, А. А. (2000) На пути к сверхобществу. М. : Центрполиграф.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955) Немецкая идеология // Соч. : в 39 т. 2-е изд. М. : Госполитиздат. Т. 3. С. 7–544.

Crosier, M., Huntington, S.P., Watanuki, J. (1975) The Crisis of Democracy : Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N. Y. : New York University Press.

Дата поступления: 15.08.2013 г.

DEMOCRACY IN CAPITALIST SYSTEM: THE ESSENCE, FAÇADE, DISMANTLING

A. I. Fursov

(Moscow University for the Humanities)

The article deals with the problem of democracy as a reality of a particular social system — the capitalist one. The author analyzes the process of the dismantling of democracy that has intensified since the 1980s–1990s.

Keywords: democracy, capitalism, the West, European civilization, democracy crisis, de-democratization.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Zinoviev, A. A. (2000) Na puti k sverkhobshchestvu. M. : Tsentrpoli-graf.

Marks, K., Engel's, F. (1955) Nemetskaia ideologija // Soch. : v 39 t. 2-e izd. M. : Gospolitizdat. T. 3. S. 7–544.

Crosier, M., Huntington, S. P., Watanuki, J. (1975) The Crisis of Democracy : Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N. Y. : New York University Press.

Новые книги

Ильинский, И. М. Высшее образование для XXI века: итоги десятилетнего осмысления проблем высшей школы [Текст] / И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. — 16 с.